

веротерпимости и толерантного отношения к последователям других религий [7].

В числе прочих важных факторов, влияющих на процесс построения открытого общества, можно также назвать характер исторического периода; степень легитимности элиты, стремящейся к трансформации традиционного мировоззрения; степень централизации власти; характер и ориентацию политических лидеров и т. д. Будущее Азербайджана во многом зависит от взаимодействия интересов широких масс с интересами элитарных групп.

Библиографические ссылки:

1. Акулич М. М. Социологическое изучение социальных рисков: история и современность / М. М. Акулич, Е. В. Комбарова // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень.- 2008.- № 4, 2008, – с. 8-16
2. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России [электронный ресурс] / Н. А. Баранов/ – Режим доступа: <http://www.sbiblio.com/for>
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм.- М. : «Наука», 1991 – 576 с.
4. Капустин Б. Г. Либеральная идея и Россия (Пролегомены к концепции современного российского либерализма) [электронный ресурс] / Б. Г. Капустин – Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kapust.htm>
5. Кулиев Э. Общественное сознание в Азербайджане: между традицией и новацией / Э. Кулиев // Газета «Эхо».- № 90 (1079) – Сб., 14 Мая 2005
6. Мехтиев Р. Азербайджан: вызовы глобализации. Баку: XXI / Р. Мехтиев – Ени Нешрляр эви, 2004, – 340 с.
7. Мехтиев Р. // Aysor. am. [электронный ресурс].- Режим доступа: <http://analitika.at.ua/>.
8. Можейко М. А. Модернизация / М. А. Можейко // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл.- Минск, 2003, – с. 1240-1242
9. Общественное сознание в Азербайджане: между традицией и новацией [электронный ресурс] // Democracy & Elections in Azerbaijan.- Режим доступа: <http://www.dem.az/index2>indexHYPERLINK <http://www.dem.az/index2>»2.
10. Социологический словарь. Библиотека учебной и научной литературы [электронный ресурс].- Режим доступа: <http://sbiblio.com/com>Каталогcontent
11. Теория модернизации. Этапы развития теории. Идейные предшественники. [электронный ресурс].- Режим доступа: ru.wikipedia.org

Мірзазаде Л. Ф. Особливості соціальної модернізації в сучасному суспільстві.

Соціальна модернізація передбачає прогресивні зміни у суспільстві в рамках загального розвитку всієї людської цивілізації. Необхідність пристосування до стрімко мінливих соціальних умов життя ще більше зіштовхує західні і східні цінності, норми життя і пріоритети. В Азербайджані в умовах незалежності визначилися кордони нової моделі політичного розвитку країни, в основу якого лягла національна ідея, підтримувана принципами унітарної світської державності.

Ключові слова: модернізація, Азербайджан, суспільство, традиційність, західні і східні цінності, сучасність.

Mirzazade L. Features of social modernization in modern society.

Retrofitting is the mechanism that allows traditional societies go to the category of industrial and industrial – in the category of modern information. Social modernization involves progressive changes in society in the framework of the development of human civilization. Need to adapt to rapidly changing social conditions of life are increasingly facing the western and eastern values, standards of living and priorities. Azerbaijan after independence defined boundaries of a new model of political development, which is based national idea, supports the principle of a unitary secular state.

Modernization, providing a transition to the modern society of the so-called «Third World», was carried out by the «liquidation of underdevelopment» in the Western type. The main way that is used – it's industrialization. Large-scale industrialization, held in the Soviet Union, in many ways closer to the modern Azerbaijani society. In this process, the important role played by ideology and accelerated entry into modern society. Because of these factors in Azerbaijan has implemented a number of significant changes that will combine the traditional with the modern distinction acquisitions. This allowed Azerbaijan to achieve high rates of industrial development and adequately preserve national traditions and peculiarities.

Keywords: modernization, Azerbaijan, society, tradition, Western and Eastern values, modernity.

Надійшла до редколегії 28.02.2013 р.

УДК 1(091)»19»

О. А. Мирошников

Крымский гуманитарный университет (г. Ялта)

ПОНЯТИЕ «МАШИНА ВОЙНЫ» В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Изложены особенности подхода представителей постмодернизма к философско-историческим проблемам. Показано, что «машина войны» – понятие, введенное в оборот постмодернистскими

філософами Ж. Делезом і Ф. Гваттари – безпосередньо пов'язано з такими значимими поняттями, як «ризом», «номадизм», «номадологія» і являється одним з основних в філософії постмодернізму.

Ключевые слова: ризом, чистая игра, номадизм, машины желания, мегамашина, машина войны.

В настоящее время можно, пожалуй, говорить, что пик популярности постмодернизма остался уже позади. Тем не менее, осознание, упорядочивание всего того нового, что было внесено постмодернизмом в философию долго будет одной из основных проблем уже сегодняшнего дня философии. Действительно, нелегко отыскать в истории философии событие, которое можно было бы сравнить по богатству и разнообразию новых подходов с этим периодом.

Целью данной статьи является показать особенности подхода представителей постмодернизма к философско-исторической проблематике. Основная задача – раскрыть понятие «машина войны» как одно из основных понятий, разрабатывающихся такими представителями постмодернизма, как Ж. Делез и Ф. Гваттари, показать его связь с основными понятиями философии постмодернизма.

В одной из основных своих работ – совместно написанном двухтомнике «Капитализм и шизофрения» – Делез и Гваттари достаточно часто пользуются термином «машина». Они, в частности, говорят о «машинах желания». По их мнению, человек состоит из множества таких машин, взаимодействующих между собой. Помимо этого, машины одного человека могут взаимодействовать с машинами другого.

Желающие машины – это бинарные машины. Они состыкованы одна с другой. С одной стороны присутствует машина, производящая поток, с другой же – машина, к ней подсоединенная. Последняя производит срез, выборку из потока (приводится пример: грудь – рот). Но и первая машина подключена к другой. По отношению к этой последней она действует как срез или выборка. Роль, выполняемая желанием, заключается в том, что оно «заставляет течь, течет само и срезает» [4, с. 18]. Интересно, что Делез и Гваттари говорят о «машинах желания», характеризуя последние как «бинарные». Существенная оговорка, если учесть ту критику бинаризма, которую можно встретить у представителей постмодернизма.

И все же, если слово «бинаризм» прозвучало в определении машин желания – это не простая оговорка. Не может бинарная машина дать одну-единственный путь, одну-единственную линию развития. Да и что такое «развитие» для представителей французского постмодернизма, какими являются эти два автора? В дальнейшем мы попытаемся объяснить, что мировая история, которая для Делеза и Гваттари является историей оседлых народов, исследованной и изложенной исключительно с позиции этих оседлых народов, содержит, по их убеждению, значительное упущение: нет описания той части ее которая относится к кочевникам. Кочевники (номады) упоминаются лишь как более или менее постоянная угроза развивающимся оседлым цивилизациям. Последние развиваются, кочевники же нет (по крайней мере, до тех пор, пока кочевники остаются кочевниками).

Впрочем, бинаризм «машин желания» объясняется тем, что в основе их деятельности – потоки материи (гиле). Сама материя (гиле), природа рассматривается как поток. Машина может быть определена как система срезов. Машина делает срезы из потока (гиле), функционируя при этом подобно машине для нарезки ветчины. «... Каждая машина является срезом потока по отношению к той машине, к которой она подсоединена, но оставаясь при этом потоком или производством потока по отношению к той машине, которая подсоединена к ней» [4, с. 63]. Представляемая схема может быть также уподоблена шахматной доске, с ее бинаризмом белых и черных клеток. Шахматы являются игрой, отражающей процессы (потоки) в которых существуют и развиваются оседлые цивилизации.

В то же время, полагают французские авторы, в раннюю эпоху существования человечества (до государства) уже существовало потоки производства: производства предметов и производства людей. Однако любое производство требует машин. Потоки производства пересекались, создавая этим предпосылки для возникновения социальных машин [1, с. 235].

Как указывает Можейко, Делез в переносном смысле использует понятия молекулярности и молярности: так, согласно психоаналитической модели, уровень определенным образом структурированных «социальных машин» есть уровень «молярных ансамблей» (или «стадных совокупностей») [1, с. 459]. Если молекулярный уровень представлен машинами желания, то уровень молярный, помимо указанных терминов, представлен также машинами, но имеющими уже социальные свойства

На поверхностный взгляд первобытное общество имеет мало шансов для создания такой организации, которую можно было бы уподобить машине. Но французские авторы знают свое дело. Тем более, что у них уже есть предшественник – их коллега и соотечественник К. Леви-Строс, который в своих исследованиях индейских племен

Амазонии, в работах о первобытном мышлении и т. п. нарисовал картину исключительно сложного общества и иное менее сложного мышления первобытных народов. На Леви-Строса Делез и Гваттари ссылаются не так часто, как он заслуживает, но это, пожалуй, следует объяснить тем, что работы данного автора слишком хорошо известны в научном и философском мире Франции: нет смысла пересказывать их содержание.

Итак, социальную машину, т.е. машину, действующую уже не на молекулярном, а на молярном уровне, создает впервые первобытное общество. Хотя эта машина и достаточно сложна, но она все же далека от совершенства.

Она работает не до полного износа, а до первого сбоя. Однако нечто подобное можно встретить и среди современных нам машин. Поэтому первобытный социус – это тоже машина, «сегментарная машина, поскольку посредством своего двойного, племенного и родового, аппарата она выпускает сегменты переменной длины: генеалогические родовые единицы крупных, средних и минимальных потомственных линий...» [4, с. 239].

Земля, а также люди, живущие на ней, становятся «гиле» этой сегментарной машины. «Срез» первобытной территориальной машины заключается в нанесении татуировок, ритуальном увечье и т. п. Все это гораздо подробнее, чем Делез и Гваттари, описал в своих работах Леви-Строс. Когда сегментарная машина делает срез, она не просто оставляет свой след на теле человека либо на теле земли. Это должно быть рассматриваемо одновременно и как кодирование. И Леви-Строс с этим вполне согласен. Подобное кодирование указывало на принадлежность человека территории, занимаемой той или иной первобытной общностью (племенем, родом). «Сущность первобытной территориальной машины «заключается в следующем – наносить татуировки, надрезать, срезать, отделять, калечить, покрывать шрамами, делать насечки, инициировать» [4, с. 227]. Делез и Гваттари полагают, что, хотя первобытные люди разделены на небольшие коллективы, их делает едиными уже то, что они действуют на единой земле. Их татуировки, их увечья, специально наносимые самим себе, представляют, таким образом код той территории, к которой они относятся, на которой они живут.

Это и в самом деле чересчур сложно и слишком сильно «въелось в кожу» первобытных людей, чтобы при переходе к следующей ступени развития исчезнуть полностью, без какого-либо следа. Однако когда, уже на следующем этапе вся первобытная система поработается и реквизируется новыми силами, эта символика перекодируется.

В результате, по словам французских авторов «имманентное единство земли как неподвижного двигателя уступает место трансцендентному единству совсем иной природы, единству Государства» [4, с. 229 – 230]. Во главе такого государства стоит деспот.

Деспот отклоняет старые союзы и вступает в новые, создавая деспотическую или, как иногда называют ее Делез и Гваттари, «параноическую машину». Ведь и деспот, и тиран, и диктатор – по природе параноики. «Деспотическая машина – противоположность первобытной машине. ...На месте территориальной машины появилась мегамашина государства, функциональная пирамида с деспотом как неподвижным двигателем на вершине, с бюрократией как боковой поверхностью и передаточным органом, с жителями деревень у основания...» [1, с. 306 – 307].

Итак, на месте территориальной машины появляется мегамашина государства.

Однако следует спросить: откуда взялась у оседлых народов (египтян и др.) упоминаемая авторами мегамашина. Об этом авторы пишут не очень подробно, но отсылают читателей к работе Мэмфорда [5, с. 724]. И действительно, в работе данного английского автора можно найти подробное описание становления того, что и сам Мэмфорд, и, вслед за ним, Делез и Гваттари называют мегамашинной.

Английский автор пишет, что мегамашина, хотя и появляется из «раннего неолитического комплекса», все же должна быть охарактеризована как принципиально иная социальная организация, порывающая с ним всякую связь. Происходит распространение отношений, существующих в сельской общине, в деревне, на все государство, что всегда означало не только совместный труд, но и совместное равное распределение [9, с. 170].

С возникновением обожествленной царской власти как мифа и общественного института Делез и Гваттари, как и Мэмфорд до них, связывают изобретение данной машины. Именно эта машина стала моделью всех позднейших, механических машин, хотя сама она состояла из плоти и крови. «Собрать воедино рабочую силу и дисциплинировать организацию, позволившую выполнять работы в масштабах, дотоле невиданных, – таково было уникальное деяние царской власти. Благодаря такому изобретению пять тысяч лет назад были решены грандиозные инженерные задачи, соперничающие с лучшими современными достижениями в массовом производстве, стандартизации и детальнейшем проектировании» [9, с. 188].

В зависимости от обстоятельств английский автор называет эту машину «невидимой

машиной», «трудова машина», «воєнною машиною» (ср. «машина війни») у Гваттари і Делеза), общее для любой ситуації називає Мемфорд визначає як «мегамашина». Таке називає, посилає він, – не порожня гра слів, бо, як і механічна машина, мегамашина представляє собою комбінацію строго спеціалізованих частин і функціонує під контролем людини. Цим людиною в державі давнього Сходу був царь.

«Секрет механічного контролю заключався в тому, щоб поставити во главі організації єдиний мозок з чітко визначеною метою, а також в методі передачі наказів вповні до найменших її підрозділів через ряд проміжних функціонерів. Сутьово важливими були точне відтворення наказів і абсолютне підкорення. Ця грандіозна задача вповні могла бути вперше розроблена в квазівоєнних організаціях, в яких відносно невелика група підлеглих, грубо навчених підкорятися вождо, вирішувала задачу контролю над великою масою неорганізованих селян. Во всякому випадку механізм даного типу ніколи не працював без примусової сили, стоячої за словом наказу. Її методи і структура перейшли майже без змін до всіх відомих нам нині воєнних організацій. Через армію стандартна модель мегамашини передавалася від структури до структури» [6, с. 192]. Підкорення виконавців робило їх ефективними компонентами цієї машини. Мегамашина, таким чином, являлася як би продовженням тіла деспота.

І тим не менше, серед соціальних машин, ведучих своє початок від первісної територіальної машини, можна вказати і таку, яка за своїм походженням не була пов'язана з деспотичним державством. Машина, про яку йде мова, пов'язана з кочівниками і виникла, як вважають французькі автори, до того періоду, коли кочівники почали створювати власні державні утворення. Але все ж, замість того щоб говорити про кочівників, слід сказати кілька слів про своєрідне використання цього слова в працях даних французьких авторів.

Противопоставлення кочівників осілим народам – давня традиція. Причому достатньо довго вважали, що кочівники грали частіше за все негативну роль в історії. Напад на осіле, більш культурне, населення, руйнування, знищення міст як центрів культури, знищення складних іригаційних систем, які нерідко не відновлювалися – таких тільки гріхів не числила за кочівниками стара, а сучасна історіографія!

Сразу зауважимо, що реабілітація кочівників – не мета нашої статті. Але попутно слід все ж зауважити, що багато епохальних винаходів в економічному, а також культурному розвитку, зроблені були саме кочівниками. Достатньо хоча б вказати на винахід ними колеса, що зіграло неocenювану роль не тільки в розвитку транспорту, а й в промисловому розвитку. Що стосується реабілітації кочівників, то тут важко було б порівняти з Л. Н. Гумілевым.

Відношення ж Делеза і Гваттари до кочівників визначається заздалегідь тим, що поняття «кочівник» (номад) використовується ними в більш широкому сенсі. Якщо для «осілого» суспільства характерно розширювати межі своїх володінь, зміцнювати ці межі, повертаючи свою територію, то сказати, з рівного пространства в рифлене, то кочівнику характерно, посилають даних авторів, не захоплювати, а «пересекати» поверхню. З'єднуючи поняття «кочівник», рівно як і інші, родичні йому поняття («номадизм», «номадологія» і пр.) з перетинанням плоскої поверхні, Делез і Гваттари приєднують до суспільства кочівників в традиційному сенсі слова моряків, сухопутних подорожників і навіть людей мистецтва (по-видимому за їх боснійський стиль життя). Моряки в цьому переліку опинилися не випадково: море, подібно степу і пустелі, представляє собою плоску поверхню, цю поверхню ще важче перетворити в рифлену, недоступну для морських кочівників. Осілі суспільства не можуть бути надійно захищені ні пустелою, ні морськими просторами: для кочівників це – звична середина; вони з відносною легкістю можуть займатися в цих умовах звичним справою – пересекати плоску поверхню. Поняття «кочівник», «номад» у французьких авторів, таким чином, застосовується до дуже широкого і дуже різноманітного кола людей; їх не можна навіть назвати суспільством.

Гра осілих народів – шахи. Гра кочівників – го. Остання зовнішньо схожа на шахи, але фішки в ній переміщуються по лініях, не займаючи ту чи іншу клітинку, а перетинаючи поверхню. Делез і Гваттари достатньо докладно описують цю гру, і не випадково – саме вона найбільш підходить під визначення «чистої гри».

В більш ранній своїй праці «Логіка сенсу» Делез говорить про принципи, завдяки яким гра стала б чистою грою: немає заздалегідь встановлених правил, кожне рух винаходить і застосовує свої власні правила; кожний бросок є деякою серією, але по часу значно меншою, ніж мінімум неперервно мислимого часу (в той же час якісно броски відрізняються). Характеризуючи ці принципи

«чистой игры», А. А. Грицанов отмечает: «Подвижные результаты распределяются в открытом пространстве уникального и неделимого броска. Это – номадическое, а не оседлое распределение...» [1, с. 139].

Можейко отмечает, что по оценке Делеза, «оседлая культура, в отличие от кочевой, основана на понимании движения по осевому вектору, для которого топологически внешнее выступает аксиологически внешним, коим можно без семантических потерь пренебречь, – в отличие от номадического понимания движения как дисперсного рассеивания, имманентно осуществляющего интеграцию внешнего» [1, с. 526 – 527]. Современность, считают французские авторы, испытывает все возрастающую потребность в номадизме. Последний же характеризуется ацентризмом.

Достаточно вспомнить Геродота, который приводит в своей «Истории» ответ царя скифов Иданфирса персидскому царю Дарию: «У нас нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно» [2; 4; 127].

Итак, кочевник противостоит оседлому, подобно тому, как игра го противостоит шахматам. И еще одно противопоставление необходимо здесь подчеркнуть. Оно касается гораздо более общих понятий. Это противопоставление дерева и ризомы. Говоря о природе, Делез и Гваттари используют термин «гиле». Это слово, взятое из древнегреческого языка, еще античными мыслителями было использовано для обозначения материи. Буквально же оно переводится как «древесина» (как и в русском языке, слово, обозначающее материю, имеет и другое значение). Французское же слово «ризома» переводится как корневище. Противопоставление ризомы дереву, таким образом, является, так сказать, символом постмодернизма как такового. Смысл данного символа можно передать, как представляется, следующим образом: дерево – материя, ризома же – не материя, но нельзя также сказать, что она не имеет ничего общего с материей (дерево и корень связаны друг с другом). Как отмечает Грицанов, для представителей постмодернизма «ни один из множественных вариантов определенности ризомы не может быть выделен как предпочтительный» [7, с. 362].

Что касается истории возникновения машины войны, как она описана у французских авторов, то впервые они фиксируют ее появление вблизи так называемого «Благодатного полумесяца», там где появились и первые оседлые общества. Делез и Гваттари связывают ее появление с пророком Моисеем, исходя, по всей видимости, из версии, предложенной в свое время еще З. Фрейдом.

«Нам известно, что за спиной бога, избравшего евреев и освободившего их из Египта, стоит фигура Моисея, как раз и совершившего это якобы по его поручению, мы решаемся сказать: именно человек по имени Моисей создал евреев. Этот народ обязан ему своей живучестью, но во многом и той враждебностью, которую он испытывает и еще испытает» [8, с. 138]. Последствия привнесения в среду кочевников определенной организации сказывались на протяжении долгих веков враждебных контактов кочевников с оседлыми народами. Действительно, кочевники Древнего мира были относительно слабы. Эти племена не имели ни военной инфраструктуры, ни центральной власти, координирующей их действия, и, столкнувшись с сильной армией, они могли просто раствориться среди холмов.

У французских авторов Моисей дарит своему народу религиозно-военную организацию «Отправляясь в пустыню, он (Моисей – О. М.) начинает с того, что формирует машину войны под влиянием давнего прошлого кочевых евреев и по совету своего тестя, происходящего из кочевников. Это и есть машина Справедливого, уже машина войны, но машина войны, у которой нет еще войны как цели, или объекта. Итак, Моисей понемногу, шаг за шагом начинает понимать, что война – это необходимое восполнение такой машины, ибо война сталкивается с городами и Государствами или вынуждена пересекать их, ибо должна вначале послать шпионов (вооруженное наблюдение), а затем, возможно, дойти до крайностей (война на уничтожение). Тогда еврейский народ испытывает сомнение и опасается, что недостаточно силен; но и Моисей тоже сомневается, он отступает перед откровением такого восполнения. Именно Иисус Навин будет ответственен за войну, а не Моисей. Наконец, говоря как Кант, мы скажем, что отношение между войной и машиной войны является необходимым, но «синтетическим» (для такого синтеза нужен Яхве) [5, с. 705 – 706].

Машина войны, как благодаря названию, которое она получила у Делеза, так и ввиду воинственности самих кочевников (кочевников в традиционном понимании, а не в том, которое придают этому слову французские авторы) представляется как чисто военная организация. То, что было процитировано выше, отнюдь не меняет именно такого понимания данного термина. Однако французские авторы в целом против подобного истолкования понятия. К вопросу относительно того, что же представляет собой машина войны на самом деле, они возвращаются не раз и не только на страницах своей книги.

Стремясь доказать, что война не является в действительности целью машины войны, они пишут: «Мы сталкиваемся последовательно с тремя проблемами: является ли сражение целью войны? А также: является ли война целью машины войны? Двусмысленность первых двух проблем исходит, разумеется, из термина цель, но предполагает их зависимость от третьей... Война... имеет своей целью сражение, тогда как герилья явно предполагает не-сражение» [5, с. 703 – 704]. Машину войны авторы связывают, таким образом, с военными действиями особого рода, носящими название «малой войны», герильи. Действительно, кочевникам (мы опять-таки говорим о кочевниках в традиционном смысле) война не нужна: добычу, которая чаще всего является их целью, они, обычно, могут получить и без войны. Их набеги, действительно, сродни операциям партизан или командос – их также можно определить как «не-сражения». Война состоит из сражений, из «не-сражений» же может составиться, скорее всего, «не-война». Хотя применительно к кочевникам не все так просто: не-война может, при определенных обстоятельствах, перерасти в войну.

Кочевник стремится не к сражению, а к добыче. Действительно целью номадической машины войны не всегда является война. Но в некоторых случаях все же машина войны действительно воюет: когда она направлена против государства. Причем против государства она может направляться как собственной волей, так и волей другого государства. В последнем случае она уже действует как армия, но армия, по определению Делеза и Гваттари, «это вовсе не машина войны сама по себе, а форма, под которой она присваивается Государством» [5, с. 707].

Характерно, что, дополняя в одном из интервью, свою характеристику машины войны, Делез говорит: «Машина войны может быть революционной или художественной гораздо чаще, чем военной» [6, с. 52].

Таким образом, понятие «машина войны» может рассматриваться как одно из основных понятий постмодернистской философии, непосредственно связанное с такими значимыми понятиями, как «ризома», «номадизм», «номадология».

Библиографические ссылки:

1. Всемирная энциклопедия. Философия XX век / Ред. А. А. Грицанов. – М. : АСТ: Мн. : Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с.
2. Геродот. История в 9 книгах / Геродот. – М. : Ладомир, 1993. – 600 с.
3. Грицанов А. А. Жиль Делез / А. А. Грицанов – Мн. : Книжный Дом, 2008. – 320 с.
4. Делез Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
5. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М. : Астрель, 2010. – 895 с.
6. Делез Ж. Переговоры / Ж. Делез. – СПб. : Наука, 2004. – 234 с.
7. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Ред. А. А. Грицанов. – Мн. : Современный литератор, 2007. – 816 с.
8. Фрейд З. Человек по имени Моисей / З. Фрейд. – СПб. : Азбука-классика, 2009. – 192 с.
9. Mumford L. The Myth of the Machine / L. Mumford – N. Y., 1967.- 376 p.

Мірошников О. А. Поняття «машина війни» в філософії постмодернізму.

Викладено особливості підходу представників постмодернізму до філософсько-історичних проблем. Показано, що «машина війни» – поняття, введене в обіг постмодерністськими філософами Ж. Дельозом і Ф. Гваттарі – безпосередньо пов'язане з такими значущими поняттями, як «ризома», «номадизм», «номадологія» і є одним з основних у філософії постмодернізму.

Ключові слова: ризома, чиста гра, номадизм, машини бажання, мегамашина, машина війни.

Miroshnikov O. The concept of the “war-machine” in the postmodernism philosophy.

The purpose of the given article is to show the peculiarities of the postmodernism representatives' approach to philosophical and historical problems. Gilles Deleuze and Felix Guattari, in one of their main works, two co-wrote volumes “Capitalism and Schizophrenia”, are often using the term “machine”. They speak particularly about “the desire-machines”, which are of binary nature. Such character of these machines is explained by the fact, that the basis of their activity are the substance streams (Hyle), in which the machines makes the cuts. The flows of production intersected, creating the premises for the social machines emergence. It is the primitive society, who creates the social machine for the first time. The land and the people, living on it, are becoming the “Hyle” of this segmentary machine. When, being already on the next stage of social development, the whole primitive system is enslaved and requisitioned by the new powers, the symbolism of the territorial machine is recoded. As a result, as the French authors considered, the immanent unity of the land as an immovable engine concedes to the transcendent unity of the absolutely other nature, the unity of the State, headed by the despot. The state megamachine emerged instead of the territorial one. The megamachine rapes the connection with the early Neolithic complex, from which it appeared. That of the settled peoples is controlled by the tsar (king). But the primitive machine could have been continued in the other way. The nomads have developed it to “the war-machine”. The nomads withstand the settled people, like the rhizome resists the Hyle. And the war-machine from the very beginning resists the megamachine. A

paradox may be noticed in the functioning of this machine: the war is not the purpose of the war-machine. The term "war-machine" may be considered as one of the postmodernism philosophy basic notions, which is directly concerned with such significant notions like "rhizome", "nomadism", "nomadology".

Keywords: rhizome, the pure game, nomadism, the desire-machines, the megamachine, the war-machine.

Надійшла до редколегії 28.02.2013 р.

УДК 930.1+308:37.013.3

В. І. Мудрак

Національний університет біоресурсів і природокористування України (м. Київ)

СУЧАСНІ СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКІ ТЕНДЕНЦІЇ ІНФОРМАЦІОЛОГІЧНОГО ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ФАХОВОЇ КОМПЕТЕНТНОСТІ В СИСТЕМІ ВИЩОЇ ОСВІТИ В КОНТЕКСТІ СПІВВІДНОШЕННЯ «ОСОБИСТІСТЬ-ІНФОРМАЦІЯ»

Сучасні підходи до розвитку співвідношення «особистість-інформація» в глобальному інформаційно-пізнавальному просторі розгортаються в системі інформаціологічного забезпечення фахової компетентності в межах вищої освіти. Це передбачає напрацювання новітніх соціально-філософських тенденцій у контексті «людина-технологія-вища освіта-фахова компетентність».

Ключові слова: інформаціологія, компетентність, система, інформація.

Проблематика даного дослідження знаходиться в площині соціально-філософських підходів до вироблення засад кількісної й якісної оптимізації пізнавальної духовно-культурної, техніко-технологічної інформації у змісті й організації вищої освіти в умовах формування і становлення сучасної фахової компетентності останньої в глобальному інформаційно-пізнавальному просторі, в обширі якого висувуються новітні вимоги щодо реалізації особистісного пізнавального і фахово спрямованого потенціалу. Розробка і застосування таких підходів необхідно спираються на систему методологічного забезпечення процесу інтенсивного напрацювання новітніх знань, умінь і навичок професійної діяльності, що мають проєктивний характер у галузі фахової компетентності вищої освіти стосовно реалій глобального світового ринку праці. Такий ракурс заявленої проблеми розгортається в річищі інтеграції інформаціологічного забезпечення фахової компетентності вищої освіти в світовий освітньо-науково-професійний простір, що в ньому розгортається особистісний потенціал (в системі відносин «особистість-інформація»), спрямування якому надане в межах вітчизняної вищої освіти. Це передбачає, перш за все, сконцентрованість зусиль усіх ланок вищої освіти щодо підвищення рівня вітчизняного науково-професійного потенціалу, а з іншого боку, пошук шляхів інтеграції останнього в світову систему ринку праці. Відповідальність за оптимальне узгодження вітчизняних вимог до підготовки майбутнього фахівця із глобальними світовими вимогами до його рівня фахової компетентності покладається на систему вищої освіти, що неухильно інтегрується в останні. Саме тут і виникають новітні підходи з точки зору соціально-філософського забезпечення такої інтеграції. З одного боку, для майбутнього фахівця відкриваються раніше небачені можливості доторкнутися до глибин інформаціологічного забезпечення фахової підготовки, а з іншого, – така особистість стикається із світом відкритих проєктів, що несуть масу викликів: духовних, психологічних, політико спрямованих, економічних, інформаціологічних, тощо. Йдеться про адаптацію молодого фахівця до системи інтерактивних зв'язків у інформаційно-пізнавальній галузі. На нашу думку, долучення такої особистості до світового ринку праці, вимагатиме креативних зусиль усієї системи вітчизняної вищої освіти. Стан розробленості наукової проблеми базується на досягненнях вітчизняних і зарубіжних вчених в галузі теорії інформації та управління нею в суспільно-соціальних відносинах (В. Г. Афанасьєв, Бауер Фрідріх Л., І. Й. Блох, Д. І. Блюменау, М. Боніц, Н. Вінер, М. В. Вачевський, Леон Бріллоен, Т. Г. Герашенко, Н. Г. Джинчарадзе, У. Ешбі, Ю. М. Канигін, С. Г. Кулешов, Л. Куффінал, М. М. Мойсєєв, Рейворд І. Бойд, А. Д. Урсул, Ю. А. Шрейдер, К. Шеннон та ін.). Проте, швидкоплинний сучасний ринок інтегрованої світової праці і застосування на ньому новітньої пізнавально-ціннісної-фахової інформації передбачає новітнє теоретичне забезпечення руху такої інформації і залученості до неї майбутніх фахівців. Такий процес передбачає подальше дослідження означеної проблеми. З погляду методології науки й освіти соціальна інформація пізнавального характеру розглядається й аналізується як ресурс і потенціал їх розвитку в науково-освітніх комунікаціях, техніко-технологічних структурах науково-освітнього спрямування, системах, формах тощо (Дж. Бернал, В. О. Виноградов, Г. М. Добров, Г. Клаус, О. М. Князева, А. Й. Уйомов, Ф. М. Цирдя, та ін.). У свою чергу, вимагає подальшого дослідження процес реалізації таких комунікацій у системі «вітчизняна